

УРОКИ РУССКОГО

ЧЕЛОВЕКУ дан священный дар Слова не столько для общения, сколько для понимания Божьего Промысла о нем. Особенно остро это чувствуют поэты и философы. Однако нередко мы зарываем этот дар – талант в землю и равнодушны ко всему, кроме страха за свою жизнь. Да, мы много общаемся, при этом много говорим и пишем – но наши слова, как мёртвая вода, часто убивают все живое в душах и сердцах. И настигает нас расплата:

*Я забыл, что такое любовь,
И под лунным над городом светом
Столько выпалил клятвенных слов,
Что мрачнее, как вспомню об этом.*

*И однажды, прижатый к стене
Безобразим, идущим по следу,
Одиноко я вскрикну во сне
И проснусь, и уйду, и уеду...*

*Поздно ночью откроется дверь.
Невесёлая будет минута.
У порога я встану, как зверь,
Захотевший любви и уюта.*

*Поблуднеет и скажет: – Уйди!
Наша дружба теперь позади!
Ничего для тебя я не значу!
Уходи! Не гляди, что я плачу!..*

*И опять по дороге лесной,
Там, где свадьбы, бывало, летели,
Неприкаянный, мрачный, ночной,
Я тревожно уйду по метели...*

(«Расплата». Н. Рубцов)

Расплата и страдание пробуждают нас от смертельного сна равнодушия, и мы тогда начинаем слышать живое слово других и сами вдруг начинаем говорить

ЖИВАЯ И МЁРТВАЯ ВОДА СЛОВА

(Читая Николая Рубцова)

по-настоящему – искренне, с покаянием и болью сострадания.

*Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что громко запоёшь.
Любая тема –
Поля или моря,
И тема гор –
Всё это будет ложь!*

(«О чём писать ...». Н. Рубцов)

Живое слово не умирает. Даже произнесённое более полувек назад, оно по-прежнему живо, и тогда мы говорим о таком человеке – пророк. Речь идёт о Николае Рубцове, который написал в 1960 году стихотворение «Видения на холме», где есть слова, которые, как мы думали, относятся к прошлому, но оказалось – к будущему. Они жгут нас сейчас – в 2015 году:

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
В окрестностях России.
Кресты, кресты...
Я больше не могу!*

Около пяти тысяч убиенных в окрестностях России – в Новороссии! Голоса погибших – громче голоса живых! Они

нас пробуждают от сна равнодушия, раскрывают фальшь мёртвых слов, которые рекой льются на всех конгрессах, ассамблеях и бесконечных заседаниях важных чиновных людей, множатся в газетах, на радио и телевидении.

А поэт чутко слышит:

*Кто-то стонет на тёмном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне.*

Да, тревожно и страшно! Но поэт знает тайну России, её сокровенную благодатную силу и утешает нас живым словом своей поэзии:

*«Чудный месяц плывет над рекою», –
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!*

*Не пугают разбойные лица,
И не мыслят пожары зажечь,
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.*

*И откуда берется такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!*

*Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы...*

(«Тайна». Н. Рубцов)

Каждое слово этого стихотворения живит, открывает правду истинной

русской жизни. Но слышим ли мы это живое слово? За грохотом и шумом мертвых слов мы утрачиваем слух, перестаём понимать живые слова правды и поэзии. Нас тянет или к бесплодному многословию, или, наоборот, – к резким движениям и словам: Короче! Супер! Не проблема! Реально! Круто! Блин! Все эти слова – прелюдия к мату, смертельному оружию тёмных сил, которое разрушает чистоту нашей жизни и губит её. Ведь на целомудрии стоит мир: все неестественное губит нас. Удивительно: сквернословие так дорого некоторым современным деятелям культуры, что без него им и книгу не написать, и фильм не снять, и спектакль не поставить! «Коротенькие люди» – так метко назвал Ф. М. Достоевский тех, в кого вселились бесы, несущие духовную смерть. Это их мертвый язык!

А нам нужны слова Истины и Вечной Жизни. И ведь мы знаем, где их услышать. Стоит только немного помолчать в тишине и послушать собственную совесть, понять собственное сердце... А когда услышим, то поймём: за такие слова и умереть не страшно.

*Всё я верю, воспрянувши духом,
В грозное своё бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто всё перейдёт в забвенье...*

(«Мачты». Н. Рубцов)

Людмила ЯЦКЕВИЧ,
доктор филологических наук

ИЗ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

МЛАДШИЙ брат Боря был копией Коли Рубцова. Разница в возрасте – один год. Оба родились в Емецке. Но уже в 1937-м, когда Боре было несколько месяцев, а Коле полтора года, семья переехала в Няндому. Переезд был связан с переводом Михаила Андреевича на работу в Няндомский леспромхоз. Сначала Рубцовы жили в благоустроенной квартире. Но после того как Михаила Андреевича арестовали, обвинив его в антисоветских высказываниях, жизнь семьи оказалась на самом краю. Велено немедленно убираться с квартиры.

Новое местожительство квартирой не назовёшь. Лачуга, где было четыре подслеповатых оконца, глядевшие в сторону железной дороги. Грохот составов доносился сюда днём и ночью. И маленький Боря часто соскакивал с деревянного лежака, дрожа от испуга всем своим худеньким тельцем.

Не стало кормильца, и члены семьи, в которой, кроме Коли и Бори, были их старшие сёстры Надя и Галя, брат Алик, сама Александра Михайловна и бабушка Рая, испытывали постоянный голод. Пришлось молодой Наде, забросив учёбу, устроиться на работу. Она и выручила семью. Но выручила ценой своей жизни. Умерла, когда ей шёл 18-й год.

К счастью, Михаила Андреевича, просидевшего в предварительной камере в ожидании суда, которого он так, кстати, и не дождался, оправдали.

Боре было четыре года, когда Рубцовы покинули Няндому. Поселились за Вологдой по соседству с Прилуцким монастырём. Дом им сдали в аренду зажиточная хозяйка, уезжавшая на всё лето к Чёрному морю.

Это было счастливое время детства. Вечерами, приезжая с работы домой, Михаил Андреевич брал в руки гармошку. Играл на ней. Александра Михайловна, обладая красивым голосом, подпевала. Рядом были сынки: Алик, Коля и Боря. Отец не учил их игре на гармонике. Не до этого было. Весь в

делах. Так ребята и сами днём, когда дома была только мать, снимали с горки гармонь и начинали водить пальчиками по кнопкам. Александра Михайловна не умела строжить. Однако предупреждала:

– Не дай Бог, если папка увидит вас при гармонии...

– Не увидит, – заверял её Коля.

На фото Борис Рубцов

– Я буду глядеть из окна, – заверял и Боря. – Как папку увижу, так Колюхе и крикну: – Идёт!

Целое лето пикикали мальчики на гармошке. Даже больше того, услышав по репродуктору музыку, пытались её точно скопировать нота к ноте. При этом всё время спорили, убеждая друг друга на том, какие звуки у них фальшивят, а какие идут, как по радио, в лад.

Иногда к их игре пристраивалась Галинка, напевая под музыку братьев новую песню, слова которой, пока репродуктор вещал, с ходу запоминала.

Привлекала братьев в Прилуках и сонная, вся в зеркалах тихиходная Вологда. Особенно в воскресенье, когда вся семья выходила к зелёному обрыву. Александра Михайловна с дочкой собирали цветы. Михаил Андреевич,

радуясь воле, едва раздевшись, бросался в реку, чтобы тут же её переплыть. Глядя на папку, кидались в реку и его сыновья. Голые, как индейцы. С индейским гоготом и ныряли. Впереди – старший Алик. Вслед за ним – забиячливый Коля. А по-за Колей – и Боря.

Славное было время. Однако вернулась с юга хозяйка. И дом в Прилуках пришлось оставить. В новой квартире, уже в самой Вологде, в деревянном, с двумя этажами доме, на улице Ворошилова, 10, семья распалась. Александра Михайловна родила здесь дочку. Но та заболела и умерла. Александра Михайловна тоже занемогла и вскорее сошла вслед за дочкой в могилу.

БЕРЕЗОВЫЙ ЛИСТ

Документальный рассказ

Стояло лето 1942 года. Михаил Андреевич – на войне. Дети одни. Именно в эти дни у всех четверых началось преждевременное взросление. Галю взяла к себе жившая в Вологде сестра Михаила Андреевича тётя Соня. Алика приютили в ближний детдом. Коля и Боря на несколько дней предоставлены были самим себе. Наконец, вспомнили и о них. Обоих определили за 18 километров в село Красково, где был дошкольный детдом. В книге учёта воспитанников детдома против фамилии Рубцов стояли две записи: «Мать умерла. Отец в Красной армии».

Музыка! Вот что сильнее всего волновало братьев. Репродуктор вливал в спальню мальчиков то стихию бравого марша, то песенку о Катюше. Слушали братья и то, и другое. И наполнялись одновременно любовью к простору и воле,

к шёпоту ив над рекой, гудку парохода и дорогим, неизвестно откуда являвшимся голосам папы и мамы.

14 октября 1943 года стал днём разлуки. Колю переводили в один из детдомов Тотемского района. Предстояла дорога на пароходе. Хотел бы с ним в эту дорогу и Боря. Но вместе нельзя. Из-за возраста. В детдом, куда ехал Коля, брали лишь тех, кто пойдёт в первый класс. Шестилетний брат обнимал семилетнего.

– Всяко увидимся? – спрашивал Боря.

– Обязательно! – отвечал ему Коля.

Однако увидеться не пришлось. В память о младшем брате осталась у Николая его фотография. Боря сидит на одной из скамеек села Приютина, около летнего огорода. В руках – баян. Не собственный – брата Алика. Нажимает на пуговки инструмента и сквозь мелодию звуков слушает голоса, пробившиеся из детства, где он оставил свою родню.

Повзрослев, братья искали друг друга. Боря нашёл лишь Алика. Николая найти не мог: тот служил в это время в морфлоте.

И Николай искал своих братьев. Нашёл только Алика. И Борю вот-вот был должен найти. В записной его книжке записан адрес:

«Краснодарский край, Успенский район, хутор Соседелийский, Рубцову Борису».

Адрес прочёл я в посмертном блокноте Рубцова. Запись адреса брата была последней. Всего скорей, Николай собирался поехать в Соседелийский. Собирался, да не успел. 19 января 1971 года, когда ему было всего 35, не стало поэта.

А где же Борис? Если бы знать... Пропал тихо и незаметно, как лист с берёзы, улетев в самый близкий, однако невидимый край.

Сергей БАГРОВ,
лауреат
Всероссийской премии
им. Н. М. Рубцова
«Звезда полей»

